

ЮРИЙ ПОДКОРЫТОВ

СКВОРЕЦ
СЕРЕБРЯНОЕ
ГОРЛЫШКО

ЮРИЙ ПОДКОРЫТОВ СКВОРЕЦ СЕРЕБРЯНОЕ ГОРЛЫШКО

Рисунки А. Гилева

Мальчишки такой народ: меньше себя не обижают, а если друг попал в беду, какой же мальчишка бросит товарища? Поэтому, когда старуха Пурга заточила скворца Серебряное Горлышко в ледяную избушку на курьих ножках, его друг Серёжка-космонавт сразу же отправился к нему на выручку. С помощью верных друзей — мудрой совы Сони и рака Крак-Крака — Серёжка освободил скворца.

И сразу ожил заповедный лес, пришла в него Весна-мастерица, зазвенела песенка-небывалка.

Вот какую интересную сказку написал для ребят Юрий Подкорытов. Маленькие читатели знают его книжку «Весёлая артелька», которая вышла в Южно-Уральском издательстве в 1963 году.

ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

●
ЧЕЛЯБИНСК
1967

Песни разные бывают: бывалки и небывалки. Да вы сами во всём разберётесь. Не маленькие. Это первая песня-небывалка скворца Серебряное Горлышко о Весне-мастерице:

Вышивает земной ковёр
И лесов зелёный узор
Мастерица Весна вручную.
И вплетает в синий простор
Голубую ленту речную.
Не спеша подбирает краски
Мастерица руками нежными,
И в лесу оживает сказка
В голубых огоньках подснежников.

**Про скворца Серебряное Горлышко
и старуху Пургу. Это рассказ самого
Серёжки. Автор, если и добавил
что, — то самую малость**

Было это в конце марта. Под вечер в нашу дверь кто-то постучал. Вот так: «Тук-тук». На пороге стояла незнакомая тётя в зелёном и держала пакет.

— Это ты Серёжка-космонавт?

— Я.

— Бабушка зовёт тебя Неслухом, мама — Сергей-воробей, а ребята вашего двора — Серёжка-космонавт. Потому что ты на Марс и Венеру полетишь. Только не сейчас, а когда вырастешь. А пока ты учишься в третьем классе и, когда получаешь тройку по арифметике, даёшь честное-пречестное слово, что в четвёртом будешь получать только четвёрки, а в пятом и вовсе решил стать круглым отличником. Вот видишь, — засмеялась тётя в зелёном, — я всё о тебе знаю.

— Кто вам сказал? — удивился я.

— Друг твой хороший, — улыбнулась она и протянула мне пакет. — Держи, это тебе скворец Серебряное Горлышко прислал.

И ушла, словно в весенней ночи растворилась. От пакета пахло горячим весенним солнцем, душистой хвоей и первыми подснежниками.

— Да ведь это же была Весна-мастерица! — догадался я, мигом сбежал по лестнице и выскочил из подъезда.

Но Весны-мастерицы и след простыл. Работы у неё знаете сколько? И с ручьями договориться надо, чтобы с самого раннего утра хрустально звенели, и с весенней капелью, чтобы она ребятишкам сказки рас-

сказывала, и зелёные флажки на деревьях тоже надо развесить.

Я уже собрался идти домой, как вдруг с крыши соседнего дома сорвалась старуха Пурга (она, наверное, из-за трубы подглядывала), завывала люто и выхватила у меня из рук пакет. Щегол пытался было поймать его на лету, но старуха взмахнула снежным рукавом, закружила, завертела Щегла и ударила о снег. А пакет так и пропал.

Подобрал я Щегла, принес его домой. В кухне он отогрелся, поклевал пшена и забрался под батарею — к теплу поближе.

Утром Щегол уже весело прыгал на подоконнике и даже пытался помочь мне решить задачу по арифметике.

— Ци-пить, ци-пить! — напевал он и все норовил клювом в чернильницу попасть.

— Ожил? — спросил я. — А теперь можешь улетать, а то у меня при делении большой остаток получается.

Открыл я форточку, Щегол и шмыгнул туда. Через несколько минут Щегол и его друзья устроили на старом тополе такой шум, что даже кота Яшку, известного лодыря, разбудили.

Это Щеглы совещались. Потом они прыгнули в разные стороны и вскоре принесли мне пакет, который вчера старуха Пурга у меня из рук вырвала. Где Щеглы его разыскали, как — осталось неизвестным.

— Ци-пить! Ци-пить! — перебивая друг друга, шумели Щеглы.

Так от них ничего я толком и не узнал.

Вот что писал скворец Серебряное Горлышко:

«Скоро увидимся, и я тебе новую небывалку спою. Собственного сочинения».

Ох и обрадовался я! Стал к прилёту дорогого гостя готовиться.

Достал из кладовки банку с голубой краской, кисть и лестницу. Покрасил скворечню — стала она голубой-голубой, словно капелька весеннего неба. Потом вышел на улицу и встретил у мусорного ящика собаку Шельму. Вечно она объедки собирает.

— Косточки завалющейся не найдется? — заскулила Шельма.

Когда-то Шельме предлагали прекрасную долж-

ность сторожа и благоустроенную конуру. Но она отказалась и нанялась в услужение к старухе Пурге.

— Разве тебя твоя хозяйка не кормит?

Шельма оглянулась по сторонам и еще жалобней заскулила:

— Ох, скупа, скупа старуха Пурга. Так, может быть, сухая корочка есть?

— Не до тебя теперь. Я скворца Серебряное Горлышко жду. Вот и скворечню приготовил.

В это время появился дворник с огромной деревянной лопатой и метлой. Шельму точно ветром сдуло. Наш дворник не любил лодырей и попрошаек.

А в городе уже хозяйничала Весна - мастерица. Она дробно стучала капелью, звенела ручьями. Солнце искрилось в длинных толстенных сосульках, и капля за каплей с музыкальным звоном срывались вниз.

Снег плакал и худел. А на старом тополе набухали почки. Отважно пускались в плаванье целые флотилии. Бумажные.

И вот иду я как-то по двору и слышу: «Мяу, мяу». Слово котёнок, который заблудился. А потом

защёлкало, будто кто сухие горошинки по железной крыше рассыпал.

Посмотрел я на голубую скворечню — он! Скворец Серебряное Горлышко! На чёрный огонёк похожий!

Закричал я:

— Здравствуй, гость дорогой! Сколько лет, сколько зим тебя не видел! Ведь ты ещё осенью улетел, когда с берёзы упал последний жёлтый лист и дикие гуси построились в треугольник. Сколько времени прошло! А я вот что для тебя приготовил!

— Спасибо, брат, большое-пребольшое. Только мне завтра же улетать надо, — сказал Серебряное Горлышко.

— Неужели дальше, на север полетишь? — огорчился я.

— Меня Весна-мастерица в заповедный лес посылает: клейкие листочки из почек выпустить, ручейки во все концы проложить, старуху Пургу прогнать.

Я удивился:

— Да разве ты с Пургой справишься? У неё и Морозы, и Снежинки колючие...

— А у меня — горячие солнечные лучи и песни весенние. Да ещё друзья настоящие.

— Тише, — перебил я скворца.

За углом дома заметил я кота Яшку. Подслушивает, негодный. Вот я сейчас за уши его оттаскаю. Конечно, ученику третьего класса и будущему космонавту гонять котов не полагается, но Яшку давно уже следовало проучить.

Подкрался я незаметно и... «Мяу-у-у!» — противным голосом заорал Яшка. И бросился бежать. Прыг-

нул через ящики на забор и был таков. Куда только лень девалась!

А в это время вот что получилось. Воробей Чивик заметил голубую скворечню и сразу — фррр! — занял её без разрешения. И ни за что не уступает скворцу. Клювом и крылышками дерётся, да ещё и друзей своих, серых бродяг, позвал.

Пришлось мне снова лестницу выносить.

Выждал я момент, когда Чивик в скворечне сидел, закрыл отверстие рукой да и потрянул несколько раз. Вот тебе, серый нахал, весь суд и расправа.

Воробей Чивик пулей вылетел — и под крышу. А Серебряное Горлышко запел, защёлкал, разлился:

— Цок-цок-цок-цок...

Так бы и слушал всё время. Вот только ответ у задачи опять не сходится.

Песня-небывалка скворца Серебряное Горлышко, которую он пел в голубой скворечне

Голубое-голубое
Всюду небо над землёю,
Март шагает неуклюжий
В сапогах по звонким лужам.
А за ним спешит апрель,
И поёт-звенит капель.
Строгий дворник на посту —
Дворник делает весну.
Как положено солдату,
Услышав весенний гул,
Дворник делает лопатой
Ручейкам «на караул».
В лужах плавает отважно
Океанский флот бумажный,
И воркует над карнизом
Птица-радость, голубь сизый.

А здесь автор сам рассказывает о том, как Шельма и кот Яшка колбасу украли. И про старуху Пургу

Честное слово, сегодня у Серёжки-космонавта самый счастливый день. Во-первых, прилетел скворец Серебряное Горлышко, а во-вторых, задачу решил правильно. Серёжка сразу и не поверил, но потом ещё раз проверил ответы в задачнике. Всё было точно. Можно и погулять перед сном.

А пока он одевался, в городе, у мясного магазина, происходили загадочные события.

Здесь, в ярко освещённой витрине, игрушечный поросёнок в белом поварском колпаке предлагал окороки, колбасы. Вот у этого магазина и встретились кот Яшка и Шельма. Носом к носу.

— А что, Яшка, давай дружить?

— Можно, — осторожно согласился Яшка. — Ох, Шельма, разжиться бы чем! Поверишь ли, два дня маковой росинки во рту не было. Все как сговорились — поесть ничего не дают, а кричат: «Работать надо!»

Шельма сочувственно покачала головой:

— Как не поверить! Сама третий день голодная хожу. У моей хозяйки Пурги не очень-то разжиреешь. Знаешь, можно в этом магазине украсть большую колбасу да и пообедать хорошенько.

Кот Яшка пришёл в восторг.

— Ты это здорово придумала! Я на карауле стоять буду, а ты в окно полезай.

— Зачем в окно? У меня отмычек разных — во, видишь? Я с чёрного хода.

Пошла Шельма на разбой, а Яшка встал возле дверей и рассуждает:

— Конечно, колбаса не плохо, но... как бы своей шкурой не поплатиться. Боюсь, подведёт меня Шельма, не умеет она осторожно работать. Вон как гремит! А я стою и трясусь, словно — тьфу! — мышиный хвост. А может, мне сторожа Барбоса предупредить? Он мне в благодарность хоть шкуру от колбасы подарит.

В это время мимо мясного магазина проходил,

Серёжка. «Что-то Яшка облизывается, — подумал он, — не иначе...»

Подкрался Серёжка и схватил кота за ухо. От неожиданности Яшка даже дар речи потерял. Только пискнул мышонком: «Ой, мамочка!»

— А ну, отвечай — чего задумал? — И Серёжка подёргал кота за ухо.

— Да это не я, это всё Шельма. А я просто так... Гуляю.

А Шельма уже тащила огромную колбасу.

— Яшка! Где ты, плутище? Неужели убежал, трус?

Бросил Серёжка кота за угол и схватил Шельму за хвост. Шельма испуганно взвизгнула, уронила колбасу и бросилась бежать. Ночную тишину разбудил свисток сторожа Барбоса. Плохо бы пришлось Шельме, но из тёмного переулка вылетела старуха Пурга, завывала, засвистела и сбила сторожа Барбоса с ног. Барбос так и не нашёл потом свой свисток. И Серёжке досталось.

— Ха-ха-ха! — смеялась Пурга. — Точно снежный ком покатился. Будешь знать, мальчишка, как наших обижать!

Встала старуха Пурга посреди улицы, руки в бока и давай Шельму ругать:

— Так вот ты где! Хорош у меня сторож, нечего сказать. Молчать!

— Молчу, молчу...

— То-то. В наказание без обеда останешься. Эй, колючие Снежинки! Приведите-ка этого зверя с колбасой.

Привели колючие Снежинки упирающегося кота Яшку.

— А это что за страшилище? — удивилась старуха Пурга.

— Кот Яшка, ваше снежное величество, — сказала Шельма и незаметно показала коту кулак.

— Мошенник?

— Самый настоящий, гав-гав!

— То-то. Люблю мошенников. Сторожем у меня будешь? А не то...

У кота Яшки от страха шерсть поднялась:

— Буду, буду. Честное кошачье слово. Я, ваше снежное величество, секрет один...

— Молчать! — рявкнула Пурга.

— Молчу, молчу...

— То-то. Какой секрет?

Расправил Яшка усы, умильно поглядел на колбасу и сказал:

— Посылает Весна-мастерица скворца Серебряное Горлышко вас, ваше снежное величество, из заповедного леса выгнать.

Затопала Пурга ногами, засвистела:

— Меня? Выгнать?! Да я им всем покажу, как с хозяйкой Пургой связываться! Увидят они у меня!

Тут колючие Снежинки закружились, загудели, повезли старуху Пургу по улице.

Кот Яшка и Шельма подхватили колбасу и бросились в ближайшую подворотню. А Пурга бушевала в городе, трясла деревья, хваталась за струны проводов и страшным голосом пела свою песню.

Песня старухи Пурги

Она её пела даже вместо колыбельной своему внуку Бурану, потому что других песен не знала.

Я — хозяйка Пурга,
Мне подвластны тайга,
И реки, и озёра,
И дальние просторы.
Закружу, замету,
Свой порядок наведу:
День иди и два иди —
Ни дороги, ни пути.
А кругом снега, снега,
Заметает след Пурга:
Стынет в мареве туман,
Стонет филином урман.
День иди и два иди —
Ни дороги, ни пути.

— Пурга улетела! — сказал Яшка.
Шельма толкнула его в бок:
— А колбаса-то — вот она!
И запела Шельма от радости:

Котик Яшка —
Колбаса
С жареной капустой.
Скушал мышку без хвоста
И сказал, что вкусно...

— Тише, — прошипел кот, — дворник услышит, задаст нам. Метла у него знаешь какая?

— А я сейчас посмотрю, где он, — сказала Шельма и убежала.

Остался Яшка один. Ласково погладил колбасу.

— Попробовать, что ли? Кусочек. Маленький-маленький...

Набросился он на колбасу, заурчал от удовольствия: «Ай, как вкусно!» — И съел всю. Потом перепугался: — Что делать? Что делать-то? Просто сам не заметил, как съел всю колбасу. Надо что-то придумать. Ба! Придумал! Надую шкурку от колбасы воздухом — настоящая воздушная закуска будет.

Прибежала Шельма:

— Неси, котище, колбасу. Страсть как есть хочется. Сейчас пир горой устроим. Давай, понесу.

Отдал кот колбасу.

— Донесёшь ли, Шельма? Держи крепче.

— Не бойся, — сказала Шельма. Но тут порыв набежавшего ветра подхватил воздушный шар и поднял его выше крыш.

— Держи мою колбасу! — завопила Шельма.

— Караул! На помощь! — орал кот.

Да куда там! Улетел шар. Шельма огорчённо вздохнула:

— А всё ты виноват!

— Нет, ты!

Тут друзья подрались. Шельма укусила Яшку за хвост, кот отчаянно завывал, шипел и царапался.

Вдруг на городской башне ударили часы: динь-дон, динь-дон!

Шельма выплюнула кошачью шерсть:

— Ой, попадёт нам от хозяйки Пурги!

— А мы ей что-нибудь соврём.

— Верно. Ведь мы же друзья?

— Самые настоящие, — подтвердил кот, потирая укушенный хвост.

А колбаса? Летает этот воздушный шар до сих пор. Если только не лопнул.

Да, похозяйничала старуха Пурга в нашем городе. Колючие Снежинки заморозили весенние ручейки, больно-больно искололи лица и руки прохожих. О Серёжке и говорить нечего — досталось ему больше всех.

Подкатила Пурга к голубой скворечне и говорит:

— Да никак это скворец Серебряное Горлышко?

— Как видишь, старуха Пурга, — строго сказал скворец. — Придётся тебе из леса заповедного прочь убираться.

Пурга ехидно захихикала:

— Ох-ох-ох, стара стала, подслеповата — такую важную птицу сразу не заметила. — Хлопнула она в ладоши. — Да ты, видно, плохо хозяйку Пургу знаешь! Эй, слуги мои, Снежинки колючие, взять негодного скворца, а голубую скворечню моему любимому внуку Бурану унести. Пусть играет!

Загудело, зашумело всё вокруг. Бросились колю-

чие Снежинки на скворца, заковали его в ледяные цепи, сняли голубую скворечню, на старый тополь такого страху нагнали, что он долгое время очнуться не мог.

Улетел снежный вихрь неведомо куда. И снова на дворе стало тихо. Тогда из-под карниза осторожно выглянул Щегол. Слетел он вниз и всё рассказал Серёжке.

— Это старухе Пурге даром не пройдет, — сжал кулаки Серёжка, — и голубую скворечню отниму. Не для неё я старался. Сейчас разрешения у мамы спрошу — и утром в заповедный лес отправлюсь!

— Правильно, — одобрил Щегол, — утро вечера мудренее.

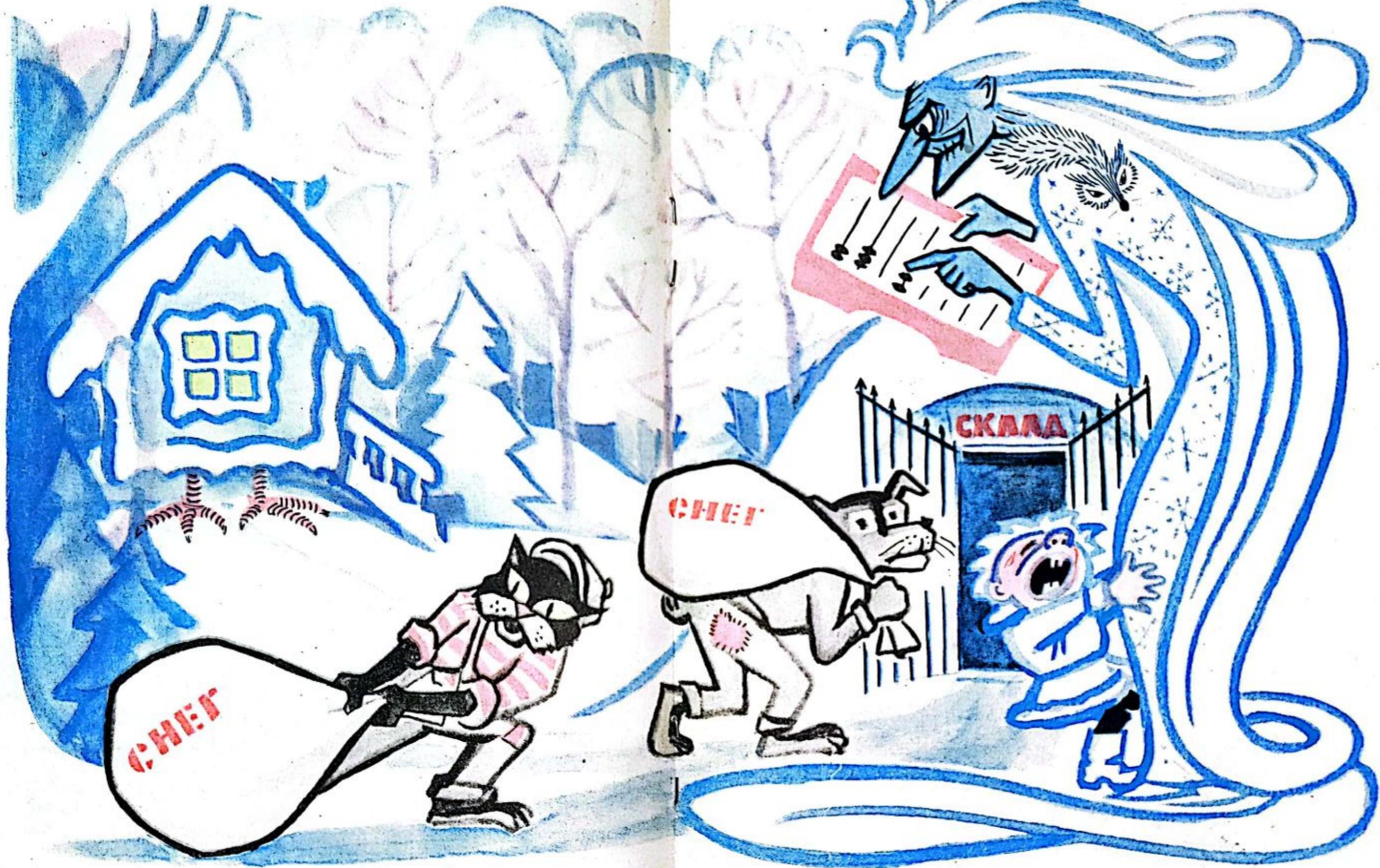
Эту поговорку он подслушал у старого дворника. Тот всегда говорил так, прогоняя по вечерам шумное мальчишеское племя со двора по своим квартирам.

Наступило утро. Пока Серёжка-космонавт собирается в заповедный лес, давайте познакомимся с Бураном — внуком старухи Пурги.

Честное слово, у меня нет ни малейшего желания рассказывать о нём, но это необходимо для нашего правдивого рассказа.

Перенесёмся в Чёрную Чашу. Только чур — ни звука!

Буран был проказник и неряха. Руки, лицо, одежда у него были вечно в каких-то пятнах. Если бы он учился в школе, можно было бы подумать, что эти пятна чернильные. Но Буран был лодырь и учиться ни за что не хотел. Жил в ледяной избушке на курьих ножках вместе с бабкой Пургой. Рядом — большущий склад. Здесь Пурга хранила Морозы в больших же-

стяных банках и колючие Снежинки в мешках. Пурга — злющая-презлющая. Завоеет, залютует, на всех страху нагонит. А внука своего Бурана прямо-таки обожает, не нарадуется на него. Всё, что пожелает Буран, исполняет. Бывало, согнёт тоненькую берёзку вроде мостика, а Буран в подкованных сапожках на стволе приплясывает. Да еще посвистывает. Больно берёзке, гнётся она, да что поделаешь — в заповедном лесу старуха Пурга полновластная хозяйка.

Но больше всего любил Буран старого заслуженного рака Крака дразнить да за усы дёргать.

Слышите, в заповедном лесу молодые деревца трещат? Это Буран развлекается. А у ледяной избушки на курьих ножках старуха Пурга, Шельма и кот Яшка. Только скворца Серебряное Горлышко да голубой скворечни не видно. Спрятали куда-то.

Шельма и Яшка перетаскивают мешки с колючими Снежинками, а старуха Пурга щёлкает на счётах.

— Так. Морозов в банках — 15 штук. Мешков... Эй, вы, пошевеливайтесь! Бездельники! До обеда не управились. Ох-хо-хо!

— Рыбки бы свежей на обед! — мечтательно сказал Яшка.

— Дождёшься! У нашей хозяйки рыбья голова да кости — вот и обед. Сама, небось, осетрину лопают.

Старуха Пурга щёлкнула еще раз и закричала:

— А теперь берите лопаты и снегом ручейки забрасывайте. Да живее, лентяи!

Бросились Шельма и Яшка за лопатами, но в это время из-за склада выбежал Буран, он визжал, словно поросёнок:

— Ой-ой-ой! Уй-уй-уй! Ой, убили, ой, погубили!

— Кто моего любимого внука убил-погубил?

— Уй-уй-уй! Ай-ай-ай! Меня рак Крак... Крак... клешней... за палец. Ой-ой-ой!

Затопала старуха Пурга ногами:
— Да я этого рака, дурака старого, сварить прикажу! Во как! Ах ты, мой умница-разумница. Ах ты, мой хорошенький!

И Пурга ласково потрепала внука по белым щекам. Другой бы от такой ласки замерз окончательно, а Буран ничего, ещё белее стал.

— Бабка! Я сладкого хочу!

— Сейчас, сейчас. Эй, Шельма, Яшка! Откройте банку с мороженым, да мигом.

Принёс Яшка банку с мороженым. Буран прямо ложкой большущей черпает и дёргает кота за усы. А Яшка угодливо хихикает.

Объедается Буран сладким и говорит:

— Я, бабка, лепестки у подснежников обрывал. А потом целым комом снега в дурака рака запустил.

— Умница! — похвалила Пурга внука. — А я тебе игрушку припасла — скворца да скворечню голубую. В избушке на курьих ножках заперты. А ты, Шельма, и ты, Яшка, склад с Морозами и Снежинками пуще глаза берегите. Вся сила моя здесь!

Сказала так старуха Пурга и полетела к Северу Севериновичу колючих Снежинок просить да Морозов лютых.

А теперь Серёжка рассказывает про сову Соню и Крак-Крака

Раньше сова Соня у моей бабушки на чердаке жила. Было сове лет двести, а может, и все триста.

А сейчас жила она в глухой лесной чаще. Сама

небольшая, серенькая, нос крючком, а глаза, словно жёлтые фонарики, горят. Славилась сова Соня своей учёностью и была знатоком разных трав лекарственных. Говорят, она даже в лесной академии училась. Ни с кем не разговаривала, ни с кем не дружила, на лесные собрания не ходила.

Донесли об этом Орлу. Приказывает Орёл:

— Эй, сороки! Позвать сову Соню сюда!

Прилетели Сороки к сове, разбудили, застрекотали:

— Ой, ой, пропала твоя головушка, сова! Сам Орёл к себе требует!

Сова Соня глазами похлопала и заснула снова. Тут её Сороки подхватили под бока и потащили к Орлу.

— Дошло до меня, сова, что ты наше лесное население не жалуешь. — упрекнул Орёл, — клянусь Солнцем...

— Экая невидаль — Солнце! — прервала сова. — Разве это светило? Вот Луна...

И глаза закрыла, захрапела. Даже с присвистом. Рассердился Орёл:

— Не место тебе рядом с нами. Пусть у тебя, сова, будет всё наоборот.

С тех пор (а уж лет сто прошло) стала сова Соня ночной птицей. Днём спит, а ночью выходит на прогулку. Жуков и мышей ловит, травы собирает и кричит:

— Ух, ух! Какой чудесный день! Какие краски!

Это мне бабушка рассказала. А она знает все.

Ну, вот. Пришёл я в заповедный лес. Подошёл к дуплу большого дерева, скинул рюкзак — тяжело с ним — и палкой по стволу постучал.

— Эй, тётушка Соня, проснись!

Заворчала сова:

— Кого это нелёгкая принесла? Спать мешают. Уж не Буран ли озорник?

— Да нет, это я, Серёжка. Вы ещё у моей бабушки на чердаке жили.

Выглянула сова Соня из дупла, очки на нос нацепила, узнала меня:

— А-а! Неслух. Пришёл-пожаловал. Я уже думала: Буран в лесу безобразничает. И так бессонницей на старости лет мучаюсь.

— А вы бы в аптеку сходили, — посоветовал я.

— В аптеку, в аптеку, — ворчливо сказала сова Соня, — вот ужо весной трав лечебных насобираю, отвар сделаю — вот и вся аптека мне, старухе.

— Да не будет у вас Весны-мастерицы, старуха Пурга вон как злится.

И рассказал я сове Соне про скворца Серебряное Горлышко, про Весну-мастерицу и старуху Пургу.

Возмутилась сова Соня:

— Да у старухи Пурги вся сила в Морозах да Снежинках колючих. Ежели без них — так она быстро из леса заповедного убежит. А Серебряное Горлышко — ох, и мастер он песни-веснянки петь! — ты выручить должен. Ну, а если своим умом не дойдёшь — помогу.

И сова Соня тут же захрапела.

А здесь Серёжка с Бураном «познакомился»

Трудно идти лесом по глубокому снегу. Похозяничала и здесь старуха Пурга. На деревьях столько снега, что от тяжести сосны поскрипывают, а берёзки почти до земли клонятся. Зверье от испуга кто куда разбежалось. После такого разбоя уцелеть мудрено.

И все ждут не дождутся в заповедном лесу Весну-мастерицу. Шуршат весёлые ручейки, подснежники голубыми головками упрямо пробивают снежную шубу.

В озёрной заводи лёд потемнел, стал тонким и хрустящим.

Старый рак Крак-Крак часто выползал на солнышко погреться. Летом берега заводи густо зарастали ивняком, вода была чистой и прозрачной. Крупной рыбы не водилось, а разной мелочи было довольно. Здесь и жил рак Крак-Крак. Был он громадным, чёрным, усатым, а клещи так прямо железными казались. А звали его так потому, что он плавать не мог, а только щёлкал своими клешнями — крак-крак, крак-крак.

Плотвички смеялись над ним:

— Что же ты, Крак, плавать-то не учишься?

Крак грозно поводит усами:

— Вот я вам покажу, где раки зимуют, крак-крак!

Однажды Ракушка-беззубка прошамкала ему:

— А ты, Крак-Крак, хвостом в дно упрись, клешнями толкнись и научишься. Только вперёд всё старайся.

Так он и сделал, да ничего не получилось.

А Плотва носится вокруг, смеётся:

— Когда рак на горке свистнет — тогда и научишься.

Эти проказницы рыбки совсем с толку сбили Крак-Крака. Всё у него перепуталось в голове:

— Вперёд — значит, назад... Назад — значит, вперёд...

Ракушка-беззубка рассердилась на него и проворчала:

— Ты, Крак-Крак, своим умом живи, на чужой не надейся.

Да где там! Каждое утро Крак-Крак выползал из-под своего камня и учился плавать. По два с половиной часа ежедневно. Потом он грелся на солнышке и напевал песню-небывалку:

— Говорят, что раки —
Забияки.
Только вы не верьте —
Это враки.

И грозно поводит усами.

Однажды выполз старый рак на весеннем солнышке погреться. Здесь-то его и увидел Серёжка.

— Здравствуйте! Вы из самодеятельности, да? — спросил он, услышав небывалку Крак-Крака.

Попятился Крак, но виду не подал, что испугался. Грозно щёлкнул клешнями:

— Крак-крак! Ты кто такой?

— Мальчишка...

— Вижу, что не девчонка. А за усы меня дёргать не будешь?

— Нет. Я меньше себя не обижаю. У октябрят это не положено.

Заводил Крак усами:

— Тогда ладно. А вот Буран меня за усы дёргает. Меня, старого заслуженного рака!

— А вы бы этого Бурана клешнёй, — посоветовал Серёжка.

— Я уже два раза его. Вот крику-то было! Бабке жаловался. А ты зачем в заповедный лес пожаловал?

Рассказал Серёжка Крак-Краку про Весну-мастерицу, скворца Серебряное Горлышко и старуху Пургу.

— А тётушка Соня говорит: вся сила у старухи Пурги в колючих Снежинках, — закончил Серёжка.

— Это верно, — подтвердил Крак-Крак. — А если запасы её — рраз! — и в воду? — И Крак-Крак громко щёлкнул клешнёй.

Вдруг где-то в лесу засвистело и завыло.

— Ты спрячься пока, — сказал Крак-Крак, — видно, Буран бежит. Ишь безобразничает!

Спрятался Серёжка за поваленное бурей дерево, а Крак-Крак от берега подальше отплыл.

Бежит Буран вприпрыжку по лесу, головки у подснежников обрывает.

Подбежал к заводи и кричит:

— Эй, рак-дурак! Где ты? Опять плавать учишься? Ничего у тебя не выйдет!

Дразнится Буран, нос показывает, рожицы строит.

— Эх, и безобразник же ты, — бурчит Крак-Крак, — вот бабке твоей пожалуюсь!

— Хы, а она к Северу Севериновичу полетела. Запасов новых привезёт, так и тебя, дурака, и болото твоё заморозит.

Щёлкнул Крак-Крак клешнями и уплыл под камень.

— Испугался, испугался, испугался! — запрыгал на одной ноге Буран. К берёзке подбежал, прыгнул, пригнул её к земле.

Серёжка не выдержал, вскочил:

— Ты зачем берёзку ломаешь, а?

Посмотрел на него Буран, ухмыльнулся:

— А тебе какое дело? Вот бабке скажу, она тебя живо в сосульку превратит.

Сжал Серёжка кулаки:

— Это меня-то?

— Тебя, тебя, тебя! — Буран запрыгал на одной ноге, длинный нос показал. — Вот скворца заперли в ледяной избушке на курьих ножках — и тебя туда же!

Тут как наподдал Серёжка Бурану! Тот в снег свалился, потом заорал:

— Бабка! Уй-уй-уй! Ой-ой-ой!

И бросился бежать. Вы представляете, как надо кричать, чтобы даже тётушку Сою разбудить? Проснулась она и прилетела к берегу озера.

— Сейчас, — говорит, — сама старуха Пурга на расправу прилетит. Не лучше ли тебе, Серёжка, у меня в дупле спрятаться?

— Как же, прилетит, — проворчал Крак-Крак. — К Северу Севериновичу за колючими Снежинками полетела. А тот, добрая душа, не откажет. И опять Пурга заметёт весь заповедный лес снегом. Подснежники

погибнут, ручейки замёрзнут.

Сова Соня округлила глаза:

— Улетела, говоришь?

— Всё равно пойду Серебряное Горлышко выручать, — упрямо сказал Серёжка.

— Так, — похлопала глазами Соня, — давайте-ка пошепчемся.

И стали друзья совет держать.

Как скворца выручали. Здесь слово предоставляется Серёжке и его верным друзьям

Нет, вы только посмотрите: Яшка с ружьём стоит на карауле у склада с мешками колючих Снежинок и банок с Морозами. А рядом с ним Шельма. Вид у друзей мрачный, — конечно, они голодные. Как всегда.

Храбрый Крак-Крак отважно шагает прямо к складу. В одной клешне у него рыбина. Огромная!

— Здорово, друзья-приятели! Как службу несёте?

Уф, устал. На рыбалку ходил. Окунь — во! Два с половиной килограмма!

Сверкнул Яшка глазами:

— Это где такие водятся?

— Да вот в озерке. Прямо сами на берег выбрасываются. Я две рыбины и унести не смог. Пришлось у кривой сосны оставить. Видишь, метров сто отсюда?

Яшка нерешительно затоптался на месте, потом передал ружьё Шельме.

— Я сейчас, — говорит, — на минуточку!

А Шельма ему вдогонку кричит:

— Яшка! Смотри, хозяйка Пурга пуще глаза велела склад беречь.

В это время из-за угла ледяной избушки появилась тётушка Соня. Она несла бутерброд с колбасой.

Шельма умильно посмотрела на колбасу, слюнку проглотила и говорит:

— Ты чего это, тётушка Соня, не спишь?

— Бессонница замучила. Старость — не радость. Вот, решила колбасой побаловаться. Какая-то разиня целый пакет с бутербродами во-он под тем кустом забыла. Мне теперь на целый год хватит.

Завертелась Шельма юлой:

— Тётушка Соня, покарауль склад. Я мигом!

— Мне-то что, — отвечает тётушка Соня, — покараулю.

Убежала Шельма.

Тут мы все дружно за работу принялись.

Крак-Крак замок на ледяной избушке — крак! — и открыл. Клепнёи своей железной.

Рванул я дверь. Выпустил Серебряное Горлышко.

— Цок-цок-цок! Вовремя вы, друзья, подоспели. Замерзать стал я. Здесь же холодильник настоящий —

волков старуха Пурга морозит, чтобы злее были.

Рассказал я быстро скворцу про свои приключения, про тётушку Соню и храброго Крака.

Взломали мы двери склада, стали в мой рюкзак нагружать банки с Морозами да таскать мешки с колючими Снежинками. Торопимся.

— Мы их в озеро бросим, — говорит Серебряное Горлышко, — а там посмотрим, старуха Пурга, кто кого!

Вижу я: один мешок со Снежинками остаётся. Развязал его и рассыпал кучу Снежинок. Они ещё долго потом в самой чаще под чёрным камнем лежали.

Побежали мы к озеру. Я на радостях было песню-небывалку запел:

Голубое-голубое
Всюду небо над землёю,
Март шагает неуклюжий
В сапогах по звонким лужам.
И летят Весны гонцы —
Говорливые скворцы...

— Да тихо ты, — возмутился Серебряное Горлышко, — ещё услышит старуха Пурга!

— И верно, — говорит тётушка Соня, — завывает, шумит старуха.

И мы по глубокому снегу бегом, к озеру.

Как старухе Пурге конец пришел

Идёт старуха Пурга домой, вконец расстроенная. Отказал ей Север Северинович. Не даёт больше снежных припасов. Хватит, поцарствовала. А Буран сзади плетется, хнычет:

— Бабка! Сладкого хочу!

— Сейчас, сейчас, внучек!

Подошли они к ледяной избушке на курьих ножках. Что такое? Склад открыт, сторожей нет. Разъярилась старуха Пурга:

— Все припасы унесли! Ну, внучек, пропали мы. Видно, придётся из леса заповедного убежать.

Упал Буран на снег, катается, руками-ногами бьёт:

— Не пойду! Не хочу!

Уговаривает его Пурга:

— Да ведь сюда Весна-мастерица жаркое весеннее Солнце сейчас пришлёт. Растаем мы с тобой! Эй, Яшка, Шельма! Где вы, лодыри?

Яшка и Шельма словно из-под земли появились. Пурга с кулаками накинулась:

— Проворонили! Не сохранили! В сосульки превращу!

Шельма и Яшка заголосили:

— Это все Яшка!

— Нет, это Шельма!

И начали драться, только шерсть полетела. Разняла их старуха Пурга:

— Потом подерётесь! А сейчас в погоню! Это все мальчишка подстроил!

— И Крак-Крак с Совой! — заорал кот.

Понюхала Шельма следы:

— К озеру пошли. Ишь как колбасой пахнет.

На озере Крак-Крак принимает мешки с колючими Снежинками, Морозы в банках и аккуратно на дно бросает.

— Там им и место, — говорит, — а одну банку с Морозами я в лесной родник брошу. Будет там в жаркие дни холодная вода.

Наконец сбросили в озеро последний мешок.

— Вот и вся старухина сила на дне озёрном.

— Ну, а мне спать пора, — сказала тётушка Соня. — Ничего не поделаешь — режим дня, нельзя его нарушать. Спой мне, Серебряное Горлышко, на дорогу свою небывалку.

Взлетел скворец на дерево: цок-цок-цок! — и запел:

На берёзе лопнула почка,
А Весне показалось — выстрел!
И апрель подхватил его быстро,
Передало эхо цепочкой.
На берёзе лопнула почка!
Грохоча по озерному дну,
Раскололи льды тишину.
Кружит солнце
Водоворот.
На озёрах идет
Ледоход.

Эхо, словно гром, повторило песню-небывалку скворца. Сосны стряхнули с мягких лап снег, зелёным пламенем вспыхнули. Берёзы распрямились и ещё белее стали.

Вдруг слышим: трещит бурелом в лесу, лай собачий, крики, шум.

Выбежала старуха Пурга из чащи:

— Вот они, голубчики! Попались! Эй, Яшка,

Шельма! Хватайте негодного скворца и слепую сову, а с мальчишкой я сама расправлюсь!

А Буран возле неё трётся, пальцем показывает:

— Бабка, вот этот самый мальчишка мне подножку дал. Ты его в сосульку, ладно?

А сам за бабку спрятался и кричит:

— Ага, попался! Зачем на базаре кусался?

Бросил в Серёжку снежком колючим, прямо в лицо угодил.

Кинулся Серёжка на Бурана. Только в это время

кот Яшка у него в ногах запутался. Полетел Серёжка кувырком и прямо под ноги старухе Пурге. Охнула Пурга от неожиданности, упала на тонкий озёрный лёд. Подломился лёд, затрещал. Крак-Крак в старухино платье клешней вцепился, на дно потянул.

— На помощь! — заорала Пурга басом. — Тону! Яшка, Шельма, на помощь!

Шельма со страху окаменела, Яшка на дерево вскарабкался, а Буран испуганно в чашу побежал. Только снежный вихрь столбом!

— Тону! — кричит Пурга. — Тону! Спасите! Я больше не буду!

И ушла на дно. Только круги пошли да пузырьки — буль-буль-буль!

Клюнул скворец Серебряное Горлышко кота Яшку, тот с дерева кубарем в снег свалился, взвыл.

Прогнал я и кота, и Шельму:

— Не место вам на нашем весеннем празднике! Убирайтесь!

А Серебряное Горлышко запел на весь заповедный лес: — Цок-цок-цок!

Тут с деревьев сорвались весенние капли, ручейки побежали, лесные ключи ожили. На больших озёрах льдины раскололись. И забушевала вокруг Весна-мастерица!

А скворец песней будит тишину. Вот так: «Цок-цок-цок!». Слово первые капли майского дождя по стеклу стучат.

Вдруг выстрел, другой, третий. Шельма и Яшка уши прижали, бежать бросились. Так им и надо. Больше я о них и рассказывать не хочу.

Это раскрываются почки на берёзах. Фиалки, словно голубые кусочки неба, просыпаться стали.

А Серебряное Горлышко поёт, славит Весну-мастерицу.

Песни, знаете, разные бывают — бывалки и небывалки. Только вы сами во всём разберётесь. Не маленькие.

Песня-небывалка скворца Серебря-
ное Горлышко, которую он пел спе-
циально для всех мальчишек и дев-
чонок

Голубое-голубое
Всюду небо над землёю,
Март уходит неуклюжий
В сапогах по звонким лужам.
А в лесу из шубки снежной
Смотрит синенький подснежник.
И весёлый фронт-апрель
Лихо пляшет под капель!

Для детей дошкольного и младшего
школьного возраста

ПОДКОРЫТОВ ЮРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ

Скворец Серебряное Горлышко

Редактор Э. И. Плебейская

Худож. редактор Е. К. Первышин

Корректор Л. Д. Новикова

Сдано в набор 15 III 1966 г. Подписано к печати 19 I 1967 г. Формат
60 × 84,16. Бумага литографская № 1. 2,33 усл. п. л., 3,7 уч.-изд. л.
Тираж 50 000 экз. Южно-Уральское книжное издательство, г. Челя-
бинск, пл. Революции, 2, ком. 79, Заказ № 3109. Типография Оре-
бургского обкома КПСС «Южный Урал», г. Оренбург, ул. Постни-
кова, 9. Цена 26 коп.